

Михаил Волохов

ЛЕСБИЯНОЧКИ ШУМА ЦУНАМИ

сага о любви

Э л и
К а м и

Наши дни

Одинокий остров в Тихом Океане.

Гостиная огромной, богатой виллы. На сцене множество картин Ками с портретами Эли. Эли изображена на фоне океана, пальм, песчаных пляжей, но больше всего изображений Эли на фоне огромных тихоокеанских волн. Одна картина занавешена белой материей.

Слышно пение птиц, стрекот цикад. Издалека доносится шум океана.

Сцена 1

Э л и.

Каменное знание у Любви
Дождём не льётся в высохшие души.
Огонь посеяв в человеческой пыли -
Кровавый океан бушует без суши.

Э л и, К а м и (*вместе*).

И знает Верное, что счастьем не дано
Окольцевать влюблённые признанья.
Разбившиеся волны – вздохи и стенанья,
Когда вошли тела одно в одно...

К а м и. Ты меня завораживаешь своими пронзительными стихами, моя ты амазоночка.

Э л и (*выдергивает из головы волосок*). Волосок у амазонки – это лезвие бритвы зеркальное. Можно им проткнуть как спицей, как копьем, стрелой и...

воскреснуть... в Атлантиде.

К а м и. Твой язычок услышать в этом мире, дотронуться своим мне до него – и больше – никаких не надо Атлантид. А стрелы мы будем из себя вытаскивать – как Будда всех учил.

Э л и. Чтоб духов злых изгнать – спасись. Спасение моё. Ками – тень от пальмы покрыла дрожащим, трепетным поцелуем твои лаковые коготки белоснежные пальчиков ножек и в поле волшебства вращения вселенной тень поднимается все выше, выше, выше, - чтоб тебя прохладой одарить. И, если амазонка ты, останешься так гордо, властно и сурово неподвижной - страстно, жарко охватив своими лебедиными, балетными руками мою взъерошенную, серебристую от высушенной соли после океана голову, а я, я... войду своим вздыхающим, горячим язычком в твою сказочную, голенькую, леденцовую, младенчески антиразвратненькую, душистенькую пипочку - одухотворяшечку душечку - чтобы разбудить там дремлющий вулкан, чтоб по всем твоим прожилочкам душевным и телесным магма страсти животворной забурлила, запенилась, а по всем моим вздыхающим волокнам тела и души, вдруг, молнии пробили... И цунами, цунами, цунами - не заставили нас себя ждать, и взбурлили, взбурлили, взбурлили цунами своею живою водой, и накрыли, накрыли, накрыли нас мощью вселенской своей - оживительно все сокрушающей мощью Цунами Нирваны.

К а м и. И так с закрытыми глазами мы ясно будем видеть, что мы в краю, где звезды все соединились в неразрывный круг танцующего счастья. (*Перекидывает ножку.*) Как мне волшебненько приятно трагедийно. Мне больше в этой жизни не надо ничего. Только так лежать, лежать и видеть, что держишь в жизни меня ты.

Э л и. Ты ножку перекинула – я вижу. Ты кончила от этого, чудесная прелестница моя?

К а м и. Когда ты лепечешь, что твой язычок входит мне под клиторочек, и ласкает нежно его там, что мне еще, как не кончать, делать остаётся. Чтоб кончить, мне достаточно при этом просто тронуть волоском свою щёлочку лохматушку розочку девицу. Я и перекидываю ноженьку, кудесница-подружечка моя, чтобы волоски свои мне там зашевелить.

Э л и. Продолжай же, говори, ну говори – мне тоже трагедийно кончить хочется, подружечка моя – а я могу от слов твоих кончать небеснейших, ты моё сокровище Эли.

К а м и. И когда я перекидываю ноженьку свою - правая губочка щелочки лохматушки царицы трет нежненько левую губочку блаженно! А между ними клиторочек небесно потирается и млеет, млеет так поэвно. И все, казалось, быстро, моментально так - ножка через ножку переброшена в секундочку в пространстве, но тело и душа взрываются стремительно-пленительно по всем корням-прожилочкам глубинно, что хочется еще разочек и еще ножку перекинуть мне перед тобой - павлинно и картинно, моя богиня ты и покорительница мира!!!

Э л и. И ты, моя, моя, моя!!!

Перекидывают ножки друг перед дружкой.

Любовь моя, космическая девочка Ками!

К а м и. Конец всему. Любовь моя, Эли – ты звёздная любовь моя, Эли!

Э л и. А ты моя, жара земная!!!

Сцена 2

К а м и. Ветра нет, динамо машина от пропеллера над домом не работает. Картины писать не хочется. Бензиновую динамо машину включать не хочется. От нее шум. Она еще этим бензином воняет. Потом бензин в такую жару может взорваться и конец.

Э л и. А что в такую жару не может взорваться?

К а м и. Все что угодно может взорваться. Даже мозги.

Э л и. Мозги скорей всего. Слава Богу, вертолётник с ледиком с материка будет через часик. Как я обожаю этот вертолётник с ледиком с материка. За триста баксов... А мы можем разориться?..

К а м и. С двадцати миллионов баксов на каждую из нас по нашим всем счетам по всему миру и разориться? Тем более, когда весь этот наш фантастический остров «Ле-ле» в Тихом Океане выкуплен божьей милостью и мужскими умами - весь с потрохами. А нам на жизнь, на этом островке Нирваны надо не больше пяти тысячи баксов в месяц. Нам надо очень постараться, чтобы разориться.

Э л и. Врач знает всю историю болезни – наш домашний, личный врач Гого на вертолете! Как трос отпустит с вертолета. А на нем бананы. Будто, члена продолжения бананы. *(Ласкают друг друга.)* Ты пишешь мой очередной портрет!

К а м и. Я тебя люблю, а не бананы. *(Целует Эли.)*

Э л и. По всему дому одни мои портреты, портреты и портреты. Я, как Алиса в зазеркалье. Я захлебываюсь от отраженной миллионы раз твоей ко мне любви во всех наших прожитых жизнях. Если портретик продать – он бы дорого стоил?

К а м и. Мы никому, никогда не продадим ни один твой портретик. Успокойся. Мы в Эдеме, на обетованном острове любви отдыхаем от трудностей. Все у нас, что надо есть. Все необходимые белки и витамины. Мы здесь пожизненно в раю осуждены любить друг друга без урбанистических шизячек строительных мужчин.

Э л и. А если разлюбим?

К а м и. Как мы разлюбим друг друга, если мы любим друг друга со все возрастающей, бешеной силой. И здесь никто между нами не встречается - со своими лживыми, лицемерными советами, самцовскими дыханьями и чувствами.

Э л и. Даже наш вертолётчик Гого - этот свой вертолётчик к нам на остров часто и не приземляет - просто - на тросике спускает нам сюда, что надо, вертолётчик со своего фирменного трансконтинентального вертолётника.

К а м и. Ихней, здесь, тихоокеанской фирме так дешевле держать одного русского мужского скоропомощного вертолётчика со знанием английского, которому платить, вдобавок, можно раза в четыре меньше. Но Гого здесь взяточку примазал кой кому. Чтоб над нами, гаду, проще ему быть! (*Гладит Эли.*) Дешевле просто его грохнуть.

Э л и. Ты так лихо разбираешься в зарубежных финансах и во всех их банковских самцовочных делах.

К а м и. В самцовочных финансах зарубежных не будешь разбираться – умрешь на рынке с голода нищей проституточкой на родине. И быстренько. А то мы кончаем-кончаем, но если кончатся наши зарубежные финансы - мы кончат друг от друга больше никогда не сможем. И вся наша нирвана, как целка порвётся. Ты это понимаешь, любимая моя?

Э л и. У нас же в банках наших миллионы!

К а м и. Если будет уж совсем невмоготу, в конце концов, я на Арбате кого-то напишу. Личико какой-нибудь хорошенькой, нам обоим понравившейся, девочки.

Э л и. За несчастные копейки на Арбате.

К а м и. Ты ревнуешь? Гого нас к этому ведет – полнейшей нищете! Это на острове «Ле-Ле» солнышко бесплатно, пляж бесплатно. Любовь трагедийная бесплатно. Но в то же время и бесценна наша с тобою любовь, по сравнению со всеми нашими пошлейшими, убийственными миллионами.

Э л и. Да поехали в богемный круиз – потратим легкомысленно все эти убийственные, не бесценные, отвратные пошлые миллионы наши деньжищ. Чтобы о них больше никогда не вспоминать и не говорить.

К а м и. Чтобы меня у тебя в этом богемном круизе отбили! А тебя у меня! Мы этого «отбили» не выдержим!

Э л и. Но, может, в круизе в казино поиграем. Может, в рулеточку монеточку какую не пошлую не шелестящую выиграем. В казино монеточки не пошлые – в казино монеточки там очень рискованные, звенящие, хипёжные, лично твои.

К а м и. Да никто, кому везет в любви, еще в рулеточку хипёжную монеточку звенящую, рисковую не выигрывал. Эли, не надо гневить Бога. Бог тебе дает четыре процента с двадцати миллионов долларов – это восемьсот тысяч баксов в

год и тебе не надо палец о палец, а только заниматься удивительной любовью с любимым человеком. Но ты предпочитаешь банально, кроваво, пошло и бульварно застрелиться, поехав в какой-то неизвестный, бесшабашный наимизменнейший круизик, когда меня у тебя там просто кто-то отобьет – какая-нибудь шалавная обыкновенная смазливая круизная дешевка мной попользуется и кинет. А ты на все это будешь смотреть открытыми, может быть сначала и вполне довольными, сиятельными, удовлетворительными, наипошлейшими глазами, потому что тебя в это же самое время соблазнит другая сверхмолоденькая, модненькая нимфа с миром каким-нибудь своим внутренним старческим, предельно прокаженным, обсосёт и бросит. А может, она еще какая-нибудь спидовая окажется, зараза шелушевка. Или, сучка, там с гепатитом каким – замедленным спидом. Ты бы что – меня потом стала заражать? Мы бы возненавидели тогда друг друга, кисочка, когда вместе бы стали от СПИДА, как сексуальноманьячные дуры умирать - от своих беспечнейших, пошлейших измен. Соображать-то немножко головочкой надо - пока она здоровая. Я бы тебя, конечно, не бросила потом даже и больную. Надеюсь, что и ты меня. Но зачем вытворять параноидальные глупости, когда без них можно спокойно, весело балдеть. И я тебя, представь себе, такую птичку перелетную, люблю.

Э л и. Тише-тише – я ножку перекинула, сейчас кончу, сейчас. Тише-тише – все кончила. А-а-а!!! Ну, вот ты стала щебетать, как кто-то меня соблазнит – ну, я сразу и кончаю – тем более, ножку еще перекинула - нашего домашнего врача транссексуала вертолётчика еще вот вспомнила - Гого. Как он трахается зверь багровый в шапочке ковбойской, с сигаретой перед зеркалом в зубах - правой рукой с пистолетом у тебя на поясице раковой, а левую руку, тварюга, кладет на свою поясницу. И стоя! И стоя!! И стоя!!! И раком нас, сука, двух собачек перед зеркалом в их паровые дырочки!!! Я на тебя смотрю-смотрю. А ты уже Гого и замочила, и любишь ты меня прелестницу одна. Да кто меня соблазнит, кроме тебя, что ты выдумываешь? Я тобой такой талантливой и даже гениальной, навеки соблазненная – я муза светлая твоя. И сама тебя хочу я соблазнять, и соблазнять, и соблазнять стихами.

К а м и. Ой, и я кончила! Просто от вибрации твоего голоса кончила. Когда о любви ты начинаешь говорить – кончаю просто от вибрации твоего голоса, когда, тем более со страстью, ты в очередной раз пытаешься мне доказать, что ты в меня действительно, по-настоящему, смертельно, по уши втрескалась и любишь, как умалишенная, не смотря на этого домашнего врача, который действительно трахается в тысячу клыков. Но я, естественно, верю, что ты от меня на самом деле без ума, но и тем более, я с тобой такой наивной и любимой легкомысленкой ни в какой богемнейший круизик никогда не поеду. Ты можешь езжать – пожалуйста. А я буду здесь одна на нашем острове «Ле-Ле» надеяться, что тебя там, в этом проибогемнейшем круизике пошлом-рулеточном никто не соблазнит. Хотя, в казино ты там проиграешься совершеннейшим, оголённейшим, пошлейшим, примитивнейшим образом. Это гарантия. Если ты меня действительно любишь – ты можешь, конечно, бросить так беспечно и легко, на произвол судьбы, меня - любимого человека - пожалуйста. И сама тогда пропадай одинёшенька.

Твоя русалочья любовь
Сжигает камни, рушит стены,

И слезы превращает в кровь,
Но царства держат флаг Земли – Измены!

Тебе Измену не сломать
Любовью всей своей подводной.
Земля стоит с Изменой вровень
На высоте Подводных скал.

Твои стихи, хорошая, чудесная прелестница моя.

Э л и. Да куда я не поеду – ты что. Я тебя никогда не брошу, никогда тебе не изменю! Ты что. Я же тебя люблю. Ты что. Нам же так хорошо вдвоем, Ками!!!
К а м и. Нам никого на целом свете здесь не нужно, Эли!!! Никакого врача.

Э л и. Давай разденемся и ляжем в постель?

К а м и. Конечно же давай - уже давно пора – уже вторая половина дня. Я в предвкушении.

Ласкают друг друга.

Сцена 3

Э л и. Давай раздвинем ножки и пусть наши влюбленные пипочки вольются друг в дружку, как две дольки вишенки без косточек.

К а м и. Моя ты вишенка без косточки, Эличка. Конечно!

Э л и. Тебе сладко?

К а м и. Мне блаженственно как сладко. Просто млеть и млеть. Витаминнее твоей вишневой пипочки нет ничего душистее на свете.

Э л и. И слаще твоей вишневой пипочки тоже нет ничего небеснее и прелестнее на всем цветущем белом свете. Я так тебя люблю, Камюшка. Мне никого не нужно, кроме тебя, Ками.

К а м и. И я тебя так люблю, Эли. Мне никого на свете не нужно кроме тебя, Эли. Так волшебно. Такой во рту сладкий вишневый вкус.

Э л и.
Ты о реальности не знала,
Твоя душа торнадо пела,
И косы расплела ты смело -
И в крылья превратилось тело!

Я лечу. Я невесомая лечу над нашим вишневым, пальмовым островом. А рядом ты летишь, меня лаская. Напиши картину, как мы две влюбленные вишенки без

косточек, летим над нашим вишневым, пальмовым островом.

К а м и. Конечно, напишу. Но я хочу летать только в жизни, только в жизни, не отбрасывая тени. И казалось, у меня нет уже никаких сил, но мне хочется летать, кончать, летать, кончать, кончать - летая. И чтобы это не кончалось никогда. И вот свежие силы откуда-то снова берутся. Но я так устала, так устала, так устала. Блаженство невесомости так утомительно. Но как обворожительно. Кто бы только знал, как утомительно и одновременно, как обворожительно блаженство невесомости. Кто бы это только знал. А врачистый вертолетчик грохнется – я точно говорю. Даже, несмотря на то, что он, транссексуал, себе влагалище-пилоточку прорезал – породниться с нами захотел. Мы сами его грохнем.

Э л и. О, тогда мы будем совершенно свободно лететь, вопреки всем встречным утомительным ветрам, вопреки всем бурям, ненастьям - мы будем лететь, лететь и лететь - и гордо, счастливо блаженствовать. Ведь я тоже так устала, так устала, так устала. Но все больше и больше тебя я люблю и люблю, и люблю. Не беспокойся, Камюшка, сейчас он прилетит Гого - врачистый вертолётчик, банановый проказник с членом, сволочь, очень поразительным в полметра.

К а м и. Главное, чтоб он спустился с вертолетики. И прежде, чем он достанет с матерым членом пистолет и нас разденет... Он никогда не достает с матерым полметровым членом пистолет раньше того, как нас раздевает. В этом его мужская слабость, Эли. Импотентность самцовского, дешевого, сознания.

Э л и. Только с тобой мне хочется кончать, кончать, кончать и блаженствовать. Кончать - это чудо. Этот спасение. Это доказательство любви. Это есть сама любовь. Только это и дает свежие силы, чтобы остаться живой и поэтически влюбленной.

К а м и. Когда с тобой кончаешь – сливаешься со всей вселенной, со всеми звездами, со всеми галактиками, со всеми Млечными путями. Ты гонишь прочь своим любвеобильным, эйфорийным полем все злосчастные астероиды, которые могут врезаться в Землю, и помешать тебе на ней свершить небесное слияние – умножение Любви до бесконечности. У меня такое ощущение мирового, вселенского счастья, важного не только одной мне. Ты меня сводишь с ума, Эличка и сводишь. И закручиваешь, закручиваешь в бесподобно праздничный хоровод-воронку всех добрых и мечтательно влюбленных звезд. Я сама ничего не соображаю. Но ты сводишь с ума мою душу и мне ничегошеньки больше не надо, кроме того, чтобы ты своей вишневой пипочкой, своей несравненной цветущей душой меня сводила с ума и сводила сущностью своей. Еще только три часа дня, а я уже кончила тридцать три раза, начиная с солнечного утречка.

Э л и. Я тоже кончила тридцать три раза, начиная с солнечного утречка. Я бы не позволила тебе кончить больше, чем я, любимая Камюшка моя. Давай встанем, чтобы не совсем выдохнуться – еще целый день весь светлый впереди и скоро прилетит к нам этот пидор-вертолётчик.

К а м и. Давай.

Э л и. Ведь надо будет выйти из дома и очень оригинально его сегодня встретить. Встретить, как никогда, нашу транссексуальную парию, нашу первую учительницу!

К а м и. Нашу последнюю учительницу! Сейчас, я кончаю – тише-тише – я кончаю.

Э л и. Я кончаю тоже.

К а м и. О, как хорошо.

Э л и. Чудесно-чудесно – так чудесно, что просто расчудесно расчудесненько - невообразименько чудесненько.

К а м и. Неужели хорошо так может быть на этом свете?

Э л и. Нас полюбило счастье.

К а м и. Счастье верит нам. Тебе отжать витаминный апельсинчик молочный?

Э л и. О-о-о: пить, пить, пить!!! Мне так отжать удавно выжать витаминный апельсинчик молочный.

К а м и (*отжимает апельсин на рот и на грудь Эли*). Ловите, деточка, пожалуйста, божественную карму апельсинчика молочного, удавного.

Э л и. Это божество. (*Пьет.*)

Слышен шум разбившейся о берег гигантской волны.

Сцена 4

Э л и. Ты красиво помнишь то, что слышала волнительно и я, когда Макси трахал нас вместе со своими умнейшими переразговорами мужскими?

К а м и. Я не красиво помню Макси, что как он считал себя великим, грандиознейшим мужчинкой – самым главным чемпионом по умственной мужской переговорной, переумственной, но праведной - сверхсейфовой и банковской прижимистой борьбе.

Э л и. Все великие мужчины заумственного сейфового мира, которые пересекались с Максиком в кулуарах бирж валютных трансконтинентальных - считали Максика великим переумственным мужчиной заводным, из языка змеиноного которого слюною золото течет и соплями брызжет.

К а м и. Если б они видели, какой у Макси в рабочем состоянии его шарнирный балдометр и как он может этим своим пятидесятилетним смычком удраивать двух породистых, отважнейших, амазоннейших красавиц - днями, ночами, неделями, месяцами, годами – все бы грандиозные мужчины банковского мира считали Макси гигантнейшим Членом-с из умственных, денежных смертных - не интернетных хакерных членов.

Э л и. О, да – святая правда. Если бы все великие мужчины мира видели, какой у Макса в рабочем состоянии его пятидесятилетний гигантнейший балун и как он нас девочек гонял и баловал этим своим балуном беспросонно целыми годами – все бы грандиозные мужчины скопленческого мира считали Макси гигантнейшим Членом маньячным из умственных смертных членояичных.

К а м и. Ведь Максипидорас еще был доктором всевозможных аэро и эротических наук, почетным членом множества улетных, вафельнополетных академий, занимался и воздушными членами дирижаблями – изготавливал летящие по воздуху объемные члены, накаченные гелием, правда.

Э л и. Он очень нас влюбил в себя - Член Макси - валютно сверх пристойно, гетеровозвышенно влюбил – двух нас вишневовишенных целочек без косточек, пташек целомудренных пантерочек. Привез нас сочных девочек сюда из «Златоглавой», на этот дикий, пальмовый, тихоокеанский сексапильный островок и мы ему со страстью здесь, с любовью, сука, отдались за денюжку его. Все у него у Члена Макси исполнялось пожеланно на вафельном лету. Ты, посмотри-ка. А? Хитрющий был мужчиночка с родившимся членом змеиным в мозгах.

К а м и. Он, Максичлен, в перерывах между его оконечными палками нас заставлял тереться целками друг с дружкой перед ним усиленно наждачно. *(Ками и Эли начинают заниматься любовью друг с другом.)* И он - член Макси рыжий от нас с любовью, сверхдрочительно умнел, кончая с нами целый день. И сначала мы ласкались так только для него.

Э л и. О, мы гибкие девочки – олимпийские чемпионочки по художественной парной сексуальной гимнастичке не сопротивлялись оплаченным просьбам плачевным его – мы предвкушали, что нам это эротически динамическое упражнение придется скоро очень лично по душе. О, как же, о, Ками, я от тебя обуреваю!!!

К а м и. Ласкаться друг с дружкой эротично-художественно нам понравилось больше, чем то, когда Максхер нас, как быдло дрючил в раскорячечку рачком и с придыханием. О, моя любовь - душа моей вселенской Розы Мира, о, моя Эли!!!

Э л и. И в один прекрасный солнечный денёк нам всхотелось художественно слиться только лично пипочнобалетно, вишенно друг с дружкой!!! Нам всхотелось любить друг дружку без давления Максика дрочительного члена его поучительного.

К а м и. И мы сняли давление это. Мы амазоночки выиграли те олимпийские игры!!! О-о-о!!!

Э л и. В тот день триумфа Бога Девочек - мы были на вершиночке Олимпа без члена дирижабля-дирижора Максика - тренера мужчиночки. О-о-о!!!

К а м и. В тот день мы любили вершинно друг друга олимпийские богинички девочки одни.

Э л и. На наших счетах по всему миру уже были разбросаны эти миллионно пошлые Максичлена долларейчики.

К а м и. Он, Макси педерастик - не мог хранить все эти шальные, ворованные свои-чужие миллиончики долларов на своих одних эгоистических счетах отпедерастенных. Он был умнейшим вором-пидаром на свете - этот Максичлен, хитрюга дирижабельный хапушник.

Э л и. А он специально нас загнал на этот остров, чтобы мы своими миллионами его, никогда отсюда не попользовались, гад.

К а м и. Мы были здесь у Максипидараса в островном, банальном, сексуальноденежном рабстве.

Э л и. На черта нам сдался, подумали мы гениально однажды, этот рыжий, жадный Максичлен небритый. Но он и не предчувствовал компьютерный харёк, что мы способны будем его тут и отключить своими женскими недалёковидными мозгами. Тем более, Гого - врач его домашний нам все и подсказал, и научил. Он такой предатель необычный.

К а м и. Но вместо Максика теперь над нами и парит Гого развратник и стервятник – какая разница, Эли?

Э л и. Разница в том, что все можно сделать не сразу! *(Целует Каму.)*

К а м и. Приятно мужиков кончать не сразу. И в общем-то кончать не из-за денег – Максик нам платил, признаться, фешенебельно за нашу с ним развратную, отвратную любовь. Открыл счета с деньгами нам.

Э л и. И тебе он сделал даже предложение. Хотел от тебя даже и ребеночка. Так дело было, Камюшка? *(Щиплет пальчиками соски Каму.)*

К а м и. А для тебя он, Эличка, хотел подыскать красивого богатого молодого человека. И этот человечек, Совочка падленок голубчик, прилетел к нам на остров в означенный часик на вертолётке, сученок. *(Щиплет пальчиками соски Эли.)*

Э л и. Ты хочешь сказать, что мы убили их двоих одновременно, когда они нам тут хотели устроить шведскую постель? Но сами стали в попочки свои членами втыкаться, а нас тут только денежно просили, чтобы мы там перед ними лизали тщательно друг друга с вьюжным завыванием метельным капитанских дочек.

К а м и. Ты хочешь сказать, что они, в результате, занимались любовью друг с другом здесь перед нашими глазами, как педерасты, отстраненно - в стиле школы Брехта?

Э л и. Но противно ведь было смотреть, когда мужчины вылизывают друг другу свои жопочки, отсасывают члены и яички зычно. Поэтому и окрестили их педерастами – те, кому первому было противно смотреть, как в жопах не чистых друг друга мужчины педерастично тычаты своими угриными длинными членами.

К а м и. На это просто невозможно смотреть, как в жопах друг друга мужчины педерастично упруго ласкают свои длинные, нежные члены, а рядом заставляют девочек еще лизаться под денежным давлением, и не только. На пидаров, в их сакраментальном, сугубо эстетичном говночистном производстве, просто смотреть невозможно, чтобы тебя не стошнило девочку-целочку сразу на пол.

Э л и. Даже Макс сам признавался, когда он был ещё с нами один, что ему очень нравятся вот лезбиянки, но что ему совсем не нравятся педерасты.

К а м и. Мы у него спрашивали, почему, Максюшка, почему? Мы же тогда не знали, что на это пропедерастивание одного мужчиночки другим так смотреть этически противно эстетически. Мы не знали, что сам Максик был не скрытный, а явный, полный, абсолютный, не латентный педераст.

Э л и. Мы ничего тогда не знали – мы тогда были очень наивными и целомудренными художественными натурами, славными девушками возвышенками. И Макси нам ответил просто и открыто, почему ему нравятся лезбиянки, но почему ему совсем не нравятся педерасты. А очень просто, говорил тогда лицемернейший Максик: лезбиянок я шампурю, а педерастов нет, потому что сам по жизни я не педераст от мамочки, кровинушки своей.

К а м и. О, эта ложь, о, эта ложь мужская – это ведь и есть педерастия – эстетическая ложь рожи вровень с жопой!

Э л и. По мамочкиной жизни может Макс не педераст, но вот по жопе своей с членом Максик оказался явным педерастом папочкиным.

К а м и. Это только лезбияночки не лгут.

Э л и. Смертельно любят лезбияночки друг друга, когда вонзаются насквозь друг в друга амазонки олимпийки лезбияночки!!!

Занимаются любовью друг с другом.

К а м и. И мы отрубили им их шампура по самые яичнейшие яйца отрубили у этих лицемернейших самцов, чтоб в тишине самим любить друг друга с полуслова, шепотом.

Э л и. Чтобы было только слышно птичек, шум морской волны.

К а м и. Их мы отравили ядом кобрушек!!! Своим!!! Экологическим!!!

Э л и. У нас тут на острове живут две фаллосные, экологические кобрычки. И мы их иногда ловим ручками - эти длинные, черные смертельно ядовитые

фаллосы змеюжные очкаристые.

К а м и. И сцеживаем в баночку яд.

Э л и. А потом отпускаем кобрушек на волю сил набраться свежих.

К а м и. А когда Макси и Совочка уснули, мы надели на них сексуальные наручники, на рты, чтоб не кричали, скотчи им приклеили.

Э л и. Ноги тоже скотчами обвили.

К а м и. И Максику в ручку, а Совочке в ножку сделали шприцем на расстоянии три сантиметра - будто от зубиков кобры - по два укольчика сделали с ядиком фаллосных кобручек родненьких. Все педерасты мужские должны умирать от фаллосной кобры укуса очкаристой умственной!!! Это наш гимн олимпийский!!!

Э л и. Это наш гимн музыкальный!!!

К а м и. И через час оба сверхумственных пидара и померли с кобры укусика фаллосной, как бы, но точно.

Э л и. Так что, мы здесь ни при чем - их кобры покусали – страшно вредные, природные, смертельные змеюги есть такие против пидаров мужчиночек на свете.

К а м и. Врач домашний прилетел Гого на вертолётике самец. Смерть зафиксировал официально от яда сверх кобриного укуса друганов-мужей таких своих пропедерастенных. Подружился с нами треугольником. Стал транссексуалом, чтоб совсем приблизиться душевно. Но с пистолетом трахать нас членом долбовым своим стоящим, при наличии врезанной целки, он не перестал!!!

Э л и. Тварюга! Сука!! Целколом!!! *(Целуется с Камми.)*

К а м и. Все про нас так знает хорошо. Про все счета наши валютные Убийством нашим этих тварей шантажирует.

Э л и. Тебе припоминает Максика, мне – Совочку.

К а м и. Разделил, чтоб властвовать.

Сцена 5

Э л и. Да я просто, последнее время, элементарно не могла переносить этих Совочкиных галстуков и шнурков в ботинках. Мне, все казалось, что он меня ими, сука, удавит. Мне все казалось, будто, это у него там змеюги эти кобриные шипят в ботинках, а не шнурки. А галстук – ну просто кобра на взводе в броске мне на личико.

К а м и. Да мне всю жизнь казалось, что меня презервативом этим кобриным их

самцовским удавят и каптельник. С мужиками ж – одни презервативы бесконечные, чтоб от члена – кобры фаллосной их не улететь, не залететь. Это мы с тобой можем резвиться без презервативов – чистенько, волшебненько - без ядовитой спермы их мужской кобриной. Она в подсознании, эта их фаллосная сперма - с молоком матери. А ты и представляешь, бессонными ночами, как тебя удавливают презервативом – будто это ты в их презервативном, без удовольствия сексе - во всем виновата? Вот растянул мужик презерватив, как веревку, подошел к тебе со стороны спины, а ты еще этим раком с голой жопой под его кобриный член загипнотизированно изготовилась. И вместо того, чтоб тебя отыметь по-человечески - самец тебе гандон этот растянутый коброй на шее обвил и тебя душить, из мщения за этот свой презерватив - без сексоудовольствия пихаться.

Э л и. С голой жопой умереть из мщения, задушенной никому не нужным, сука, презервативом, под дулом пистолета – просто дикий колупанс.

К а м и. А что им, фаллопедерастам, еще-то делать, когда у них, тем более по старости, член стоять перестает и без презервативов. На одну палку они тебя поймут для своего только удовлетворения-шипения. И им самим тоже потом мало, но член-то больше у них не стоит, тем более там после трех, от силы, или сколько там природой потенцией, его мужика, отмеренных палок положенных. Они, мужики, нутром своим самцовским, фаллосным, кобриным чувят, что нам девочкам еще подавно, кошечкам-то, мало, львицам, секса вышло на лобковые гора, чтобы кончить там по-человечески не один десяток, милых там и девичьих, охов-вздохов раз. Друга с членом атлетическим - льва какого своего олимпийщика с метровым щекотунчиком не каждый пригласит долюбить-то раком девочку прелестницу-чудесницу. Жадины-говядины до целки дармовой своей единоличной. Частники. Заимеют целку и не делятся ни с кем. А Господь велел делиться. Ну, им и остается только импотентам фаллогаврикам для продолженья кайфа сладострастного презервативом девушку немножко придушить, в формате мщения канального-фатального-анального.

Э л и. Да я, в общем-то, сама Совочке так и сказала – подуши меня немножечко, Совочка, презервативчиком, любимый, чтоб покайфовать-продолжить мне после того, как ты кончил пять раз и у тебя не встаёт больше для меня побаловать на остальную ночь.

К а м и. А я, что Максику сказала? Ты знаешь – Максик так на меня посмотрел, как на не родную. Обозвал вампирной ведьмой, но презервативчик снял. Но, дурик, стал его надувать воздухом ртом, как воздушный шарик. А потом этот шарик, дурик, отпустил и ты знаешь – сперма даже по потолочку разбрызгалась и с люстры, как сопли свисала – так, прям, сама и говорила сверкающая сперма, что хозяин ее сопливый импотент.

Э л и. На большее, они, сопляки, не способны. Настоящая любовь не для мужчин. *(Берет руку Камы, вводит себе в трусики.)* Божественно невероятно. Я так тебя люблю за плавные движения твои. А ты меня за что?

К а м и. За то же самое. *(Берет руку Эли, вводит ее себе в трусики.)* Там, там - да – я кончаю, плавная, любимая, улиточка моя Элиточка.

Э л и. Я на тебя могу просто так смотреть и кончать. Только вижу, как твои реснички хлопают и представляю, что между твоих ресничек-пушисточек мой клиторок барахтается - и сразу я волнительно кончаю.

К а м и. А я представляю, что твое дыхание входит в мою пипочку и моя пипочка начинает тоже дышать, разбухать от твоего дыхания. Начинает петь, кружиться, заводиться, танцевать. И я – шизец - опять кончаю.

Э л и. Как и я. Мне достаточно, чтоб ты сказала, что ты сейчас кончаешь и я лишь только немножечко об этом всем подумаю, немножечко трону трусики свои, и трусики мне в пипочку немножечко впиваются, и тут же я кончаю.

К а м и. И у меня так тоже получается. Мне больше ничегошеньки не надо.

Э л и. И мне тоже. Надо просто, чтобы денег, в самом деле, в банках наших все больше становилось и все больше.

К а м и. Врача Гого - рекетира долбанного транссексуала кончить вертолетчика, а так все просто сказочно волшебна жизнь у нас с тобой романом одухотворяется нирванно и течёт-печёт-раскручивается.

Э л и. Все-таки точно хотелось бы больше не думать об этих пошлейших деньгах, но и чтобы денег в наших банках было также много, как солнечных лучей в лесу сосновом сквозь иголки в прибалтике на травушке-муравушке - как солнечных росиночек и зайчиков!!!

К а м и. Мы не в прибалтике, Эли. У нас тут пальмочки на острове, Эли. Но солнечных лучей и зайчиков сквозь листочки пальмочек у нас здесь не меньше, чем сквозь иголки в лесу сосновом прибалтийском. Клянусь тебе, Эли!!! Не меньше.

Э л и. Тебе, Ками, я верю. Я не могу тебе не доверять. Тебе одной я только верю, и разве только всей вселенной в этом кулаке, что на ладони.

К а м и.
Я тоже верю лишь тебе одной, Эли. На одиноком острове «Ле-Ле» здесь в Тихом Океане больше верить невозможно никому.

Э л и. А птичкам, паучочкам и цикадкам?

К а м и. Птичкам, паучочкам и цикадкам можно верить как тебе. Надеюсь, как и мне.

Э л и. О, конечно, солнечное чудо золотое ты мое!!!
Любовь и жизнь перевернуть,
И не увидеть смерти лица,
И в центре солнца почерпнуть
Воды сверхледяной напиток.

К а м и.

Любовь и жизнь зажечь в ночи,
А день оставить при покое,
И солнца крепкие лучи
Сжать головой своей до боли.

Э л и.

Глазами дать душе вздохнуть,
Пытаться выдохнуть руками,
Пробить себе мечтами путь,
Где звезды радостью рыдают.

К а м и.

И раствориться в пенье птиц,
Упасть снежинкою на пламя,
И бархатистыми словами
Себя лелеять без границ.

Э л и.

И разогнавшись что есть силы,
И время заперев во мгле,
Душа убийственно молила
Без тела улететь к тебе.

Я просто и не представляю, как люди могут на кого-нибудь работать – тем более на ненасытных мужиков начальников с их действительно натуральными этими членами отвратными солеными насосными-отсосными.

К а м и. Чтоб в обеденных перерывах у начальников этих, с их членами из ширинок, отсасывать, стоя на коленках, почти по полчаса, как минимум.

Э л и. И обедать даже потом совсем-совсем не хочется. Куда-то аппетит от их спермы совсем перебивается и улетучивается. И организмик истощается, истощается.

К а м и. С тобою больше организмик истощается, если честно - но с тобою мне плевать на организмик - я так тебя люблю душой волшебю.

Э л и. Я бы с тобою согласилась истощиться, как в концентрационном лагере даже. Просто бы оградили нашу кроватку колючей лагерной проволокой, давали бы хоть раз в день чего-нибудь покушать. Я бы согласилась.

К а м и. Я бы тоже так согласилась. Давали бы хоть раз в день искупаться в океане.

Э л и. О, да. Немножечко позагорать под солнышком. А больше - еще что?

К а м и. Конечно!!! Сесть на бережок, раздвинуть ножки, снять трусики и пусть волна за волной, волна за волной на пипочку твою находит, находит и находит. А мне остается на это удовольствие смотреть, смотреть и смотреть. И от этого

кончать, кончать и кончать, и истощаться, истощаться, истощаться с преогромным удовольствием.

Э л и. А еще ветерок пипочку твою после волны обдувает. И ты пошире ножки так свои, пошире!!!

К а м и. И я целую в губки так тебя, целую! (*Целует Эли в губки, гладит ее пипочку.*) А могу и пипочку твою поцеловать.

Э л и. Я тоже пипочку твою могу поцеловать.

К а м и. Давай валетиком схлестнёмся.

Э л и. Ну конечно!

Ложатся валетиком, лизут свои «небесные сокровища».

Сцена 5

К а м и. Я кончила.

Э л и. Я тоже!!!

К а м и. Сока апельсинчика сдавить?

Э л и. Сдавить! Сдавить!! Сдавить!!!

К а м и (*отжимает на нее апельсин*). Воспримите витаминчик получите сдавленного молочка.

Э л и. Элексирчик жизни. Ты знаешь, у Бунина девушка отбила его женушку.

К а м и. Как она правильно сделала – совершенная женственная девушка.

Э л и. Но все мужчины так возмущаются. Они говорят – лезбиянство – такая проблема для мира – уничтожение жизни - сверхнаркомания.

К а м и. Ну естественно – если им не дано получить от этого удовольствия.

Э л и. Они ж не девушки эти мужчины.

К а м и. Да кто такие мужчины – ты скажи мне – кто такие эти членисто топорщистые мужчины? Эгоисты – только и думают, что о своем члене. Когда он у них стоит – им не дают. Когда начинают давать – член не стоит. Вот их все жизненные, космические, философские проблемы. Что они понимают в любви одной прелестной девушки к другой небесной девушке, у которых всегда всё, что надо волнуется, и друг дружке всегда всё дают – по первому требованию - все

свои бесценные сокровища дают – каждую секундочку дают, чтоб кончать небесно и космически каждую секундочку.

Э л и. Они, понимаешь, говорят – у такого великого человека, как у Бунина Ивана Алексеевича, какая-то маргинальная, моргатая лахудра-шалупень отбила его музу, которой этот великий человек-писатель русской всей земли - Иван Алексеевич Бунин дал все, все свое великое творчество, деньги, судьбу, любовь, член стоящий иногда, ты понимаешь, видите-ли.

К а м и. О, мужчины конечно умеют защитить свой яйцевидный членный эгоизм элитарный, эти мужчины. Могут ли они дать любимой девушке, эти мужчины, ароматную девичью пипочку, если девушке нужна в очень критический, трагический момент ее жизни, такая же чистенькая девичья пипочка, а не соленый член моржовый старческий – типа, огурца, но только теплый с тридцать шесть и шесть температурой? Можно и сплюнуть.

Э л и. А в холодильник член его писательский - ты не положи.

К а м и. Да уж полезут они мужики со своими балдометрами в холодильник – только ты и жди. Я представляю, как Бунин Иван Алексеевич лезет со своим членом в холодильник, когда его жена ему поставила ультиматум – или лезь со своим членом, Иван Алексеевич, в холодильник и в холодном виде мне его потом свой этот хер минетом в пасть за зубки втолковывай, или иди ты, проще на хер, писатель русский иммигрант великий – на свой горячий член, а я иду девчущечку любить с холодненькой и свеженькой расщеленкой. Вот такая истинная истина одна на белом свете, Иван Алексеевич Бунин – великий писатель российский. До нее вы как-то мозгами не вскипели.

Э л и. Да у него и во всех его рассказах импотентно примечательных все девушки всех его героев импотентов, в результате, на хер посылали, если честно.

К а м и. Но вот только он там пишет, что они в монастырь там уходили. Да к другой целке они там уходили, а не в монастырь. Какой там монастырь сравнивается по благам с нерукотворной целочкой молочной? Вот жизнь его Бунина и поправила, наставила – где правда-то сермяжная зарыта. А то в монастырь там у него чудесные девочки-крошечки уходят – в монастырь. Да, хотя и правильно. В монастырь девочки и уходили за девочками. И Бог там в помощь помогал.

Э л и. Но Бунин мог себе девичью щелочку, в конце концов, между яйцами своими там прорезать, если его муза хотела спать с целочкой. Вон как Гогочка находчивый пострел! (*Целуются.*) Хотя тогда еще, по-моему, не резали с мужиков транссексуалов.

К а м и. Ну, был бы первый Бунин транссексуал. Ну, гениальный мозг у Бунина-то говорят, что был как будто. Ну, мог допендрить, что можно было бы там щель себе между яйцами прорезать и пожалуйста – он великий Бунин первый великий транссексуал с нобелевской премией. И муза бы его там не сбежала. И прожил бы больше своих там восьмидесяти трех лет.

Э л и. Ну, значит, мозг совсем не гениальный у Бунина-то был – он мир не

отымел мозгами, если не смог допендрюжить, что для сохранения целки-музы - ему просто самому надо было стать транссексуалом.

К а м и. У них член ихний встал – значит, возникли чувства – муза, значит, к ним пришла. Стоящий член – это вся окончательная муза этих тварей самцов оглоедов – я точно тебе, как на духу говорю - падлой буду – отвечаю.

Сцена 7

Э л и. Я вообще, как-то все не понимаю - как это у них этот их яичный встанька-ванька поднимается?

К а м и. Да ты что – ни костей, ничего – только вены и кровь, а вокруг только кожа, а как все это дело телесно-интересно поднимется – привет всему – как у Макси.

Э л и. Просто каменный, как железный лом, у Макси был этот мухомор его стоящий с головочкой и яйцами.

К а м и. Да асфальт колоть можно такими их мухоморами с головочками, как у Макси-то!!!

Э л и. А Гогочкин-магогочкин впендрючник?

К а м и. Гогочкин-магогочкин впендрючник – ну это просто анаконда всепролазная, башня вавилонская, стоящая крюком. Башней вавилонской он и навернётся в лом. *(Ласкают друг друга.)*

Э л и. То ли дело клиторочки. *(Ласкают друг друга.)*

К а м и. Клиторочки – само совершенство. Они самодостаточны, им вставать не надо для объявления любви. *(Ласкают друг друга.)*

Э л и. И я к тебе хочу. *(Ласкают друг друга.)*

К а м и. Ты кончила?

Э л и. О, да!

К а м и. И я кончаю!

Э л и. Ты окончательное чудо - нескончаемка.

К а м и. А ты мое сверхнебооживительное чудо бесконечное.

Э л и. Я такая. Да я последнее время с Совочкой жила просто, как с настоящей девушкой. По-другому было нельзя – я просто бы свинтяшилась с ума.

К а м и. Да только, как с девушками с этими членистоногими самцами жить и можно хоть немножко, чтобы не блевать.

Э л и. Я его всё тело выбривала так начисто-начисто, потом промывала хорошенечко в ванной, а потом лизала, лизала, лизала, как девушку. Он и стонал, как девушка. Научила мудозвона девушек любить.

К а м и. А я перед Максиком становилась в позу березки, раздвигала ножки...

Э л и. Как в анальном сексе?

Лезут друг к дружке в трусики ручками.

К а м и. Ну, почти-почти. Но только вместо того, чтобы членом меня в попку тыкать – мы договаривались, что он в мою пипочку впускает свои яички, берет себя за член и начинает свой член драть. Его яйца начинали в моей пипулечке вытворять, ну я тебе скажу, такой целопоумрачительный канкан, ну я тебе скажу – просто вспоминаю, трепыхаюсь вся - кончаю сейчас просто от воспоминаний, но, при условии, что ты мою пипочку гладишь. А-а-а-а-а!!! Я кончила.

Э л и. Я тоже кончила – просто от эфирной вибрации – просто от твоего рассказа и конечно, твоего пальчика под моим клиторочком. И конечно, я еще вижу, как в твоём ротике волшебным образом канканит язычок, а мой клитор будто там в твоём ротике за нёбиком духарится, духарится активно так, как мушка, крыльями пойманная за лапочки.

К а м и. У тебя классная фантазия такая. Но только в последний раз с Максиком я так завелась, что взяла бритву, но не такую, какой ты Совочку, видимо, выбривала, а опасную бритву взяла - его Максика личную, которой он бриться очень сам любил и никогда не резался, а я просто взяла и отфингачила опасной его любимой бритвой - его любимые яйца отхерачила в манду.

Э л и. Ну ты и находчивая, оригинальная девушка.

К а м и. Конечно. Бритву его Максика заранее приготовила – под подушечкой. И ты представляешь, его яйца действительно остались в моей пипке отфингаченными, а он с членом тоже отфингаченным отделился на другую свою без яиц человеческую часть.

Э л и. Себя-то, хоть, случайно, не поранила, девочка?

К а м и. Не-не-не-не-не. Я пипочку себе всю вазелинчиком смазала предварительно – продуманно, заранее готовилась.

Э л и. Молодец. Ну а он, что дальше Максик - обиделся наверно?

К а м и. Ну, дальше полный мрак и цирк - одни обиды. Он такими полтинниками

вылупленными на меня уставился и вдруг, как заорет, что ты сделала стервоза, что ты наделала кошелка – ты ж без яиц меня оставила, на пятидесятом году жизни без яиц меня члена дородного, народного, полувекового, сука, члена гениального оставила - неграмотная погань-поганка. За что, ведьма моргатая, сучка? Вот абсолютно точно - слово в слово передаю его речетативные, с брызгами слюны его эти обиженные восклицаловки.

Э л и. Пряма, так грубо и ругался, и расплевывался?

К а м и. Да я еще тебе конечно вежливо, по-женски, его тебе самца, этого борова хрюкающего пересказываю. Что там на самом деле было?! Страшно вспоминать. Бритву у меня амазоночки-девочки хотел отнять. Это чтоб точно там меня всю до клеточек изрезать, как в китайской казни. Ну, я интуитивно сообразила, чем это дело, по ходу пьесы, будет пахнуть – какими иероглифами. Не я его – так он меня исполосует. Ну и его, как там по животу полосну еще там и по рукам, по венам его еще – чтоб, тварь, руки, куда не надо не протягивал. Там, боров, начал хрюклом своим выть: скорую помощь вызывай, скорую помощь, сучка! Врача давай мне - Гогочку, мудила. Перевязать помощи вены, сучка. А сам не может. Здесь он прав. Я ж ему по сухожилиям бритвой – раздолбанила там все – все его сухожилия бритвой расчленила как миллиметровщица, сука. Вот, где запястья здесь – его любимой бритвой талисманной вскрыла вены, как сокровище. Пряма, как несколько раз по сухожилиям ему, мудаку, как полосну, полосну, сволочь! Ну, чтоб руки-то ему вырубить. И по ногам ему тоже полосну по сухожилиям этим. А то ж ногами бы меня забил, убил бы тут же меня девочку. Тут целая война была – ты что. Блиц криг. Кто первый атакует – за тем инициатива. А как они, сучары, дьяволы, самцы нас девушек насилуют – по тому же принципу. Ты что – девушка любимая моя. Мгновенно там все соображать надо было – моментально, что зачем и почему, куда мне ему, козлу, мочить надо было этой талисманной, тем более, его заговоренной бритвой. Вот. Все просто, когда знаешь. Ну, а когда руки, ноги у него уже в отключке – все - можно было уже спокойно вздохнуть. Тогда только и ощутила, что его яйца в моей пипульке так и остались, так и не выскочили на волю яички-то его. Представляешь. Зажались яйца в пипочке-гнезде. Пересрали, наверно, что его хозяина бритвой девочка его сандалит, куда ни попадя, по всем его стреножным, военным-венным-ягодичным-то его местам сакральным – зажались яйца в пипочке-гнезде. Полная умора записная – зажались яйца в пипочке-гнезде у старшины! (Смеется.)

Э л и. Ну ты, амазонка – амазонисто, по-маршальски бритвой-шашечкой херчила по яйцам.

К а м и. Да чего ты, девушка моя. Офонареть - победы были в доме на постели олимпийские.

Э л и. Я так за тебя рада. Такое удивительное чудо - так просто совершить. Ты такая гениальная не только на картинах. Ну а как он Макси-Первый-то от жизни-то откинулся, когда уже совсем кровью-то истек?

К а м и. Ну, совсем, как откинулся когда – это вообще красота – тотальный импрессионизм. Анри Матис. Чистые, красные, танцующие краски. Там, где я ему

бритвой на запястьях - бритвой его талисманной любимой заговоренной-то бритвой его по венам рубанула – он, кретин, туда член свой воткнул, мудила. И то ли членом кровь пытался остановить-попридержать там свою, мудила, кровь-то в веночке порезанной - то ли член подрочить хотел об веночку, где кровь, как фонтанчиком во все стороны по комнате прыскала – ни хрена ничего не было ясно – двойная зазеркальная сюрреальная картиночка Дали, моя ты родная чудо ребенок Алисочка.

Э л и. Ну, ты б у него спросила - чего он этим хотел показать. Может в нем тоже, какой-то художник сюррик проснулся.

К а м и. Да я у него и спросила: ты чего, Макси-Первый, делаешь-то, горемычный? Ты чего, член свой дрочишь в веночке распоротой, или ты в веночках кровь там свою, дебил, пытаешься остановить этим членом-то своим с отпоротыми яйцами. Может, у тебя там в члене сперма кровеостанавливающая? А может, член твой вместо кисточки – рисовать щас что-то будет на века.

Э л и. Ну, а он чего?

К а м и. Да ничего – вдруг чего-то плакать стал ни с того, ни с сего – от одного вопроса. Член свой с отрезанными яйцами сует в свою раночку, где две веночки перпендикулярно там встопорзились и фонтаном кровью прыщут-то. А это одна распоротая веночка бритвою была.

Э л и. Ну да, ну, я понимаю - естественно. Ну-ну.

К а м и. Ну и вот – баранки гну – представляешь, ситуация. Твой мужик дрочит у тебя на глазах свой член с отпоротыми яйцами в распоротой напололам своей веночке на руке до костей бритвой распоротой и плачет горькими слезьми. И слезки-то в ту раночку, где член он дрочит - так и льются, так и льются горемычные.

Э л и. И щеплет ведь небось.

К а м и. Ну, конечно, щиплет. Вся пачка его в гримасах раскорячилась. Вся там морда его и без того с вискарря краснющая, а тут еще с распоротыми венами руками слезы, как начал себе еще, мудила, вытирать и размазывать. Ну, арлекин – ну, абсолютный цирк китайский в матиссном красном натуральном цвете исполнении.

Э л и. Нет, ну быть клоунами – это у наших мужиков основная профессия.

К а м и. Ты же понимаешь.

Э л и. И что, член у него с отпоротыми яйцами так еще вот и стоял накаченный, когда он член-то свой его еще там в раночке дрочил?

К а м и. Удивительное дело, но представь себе – член его еще стоял накаченный и не опускался. Пять минут прошло. Я точно – на часы еще смотрела – пять минут прошло, а член его с отпоротыми яйцами и текущей из вен повсюду

брызгающейся кровью так и не опускался.

Э л и. Ну, он и молоток твой Макси Первый.

К а м и. Отбойный молоток. Ты что, девушка любимая моя – я такое пережила.

Э л и. Я обалдеваю. Просто тут же и кончаю.

К а м и. Да я тебе рассказываю, перевозбуждаюсь от воспоминаний – раз десять уж наверно кончила.

Э л и. Да я уж тоже десять раз – не меньше.

К а м и. Да я уж чувствую. Стараюсь откровенно все рассказывать. Зачем же врать. Иначе не поймёшь.

Э л и. Страдательница ты моя великая.

К а м и. В этом смысле быть великой страдательницей - мне совсем не в кайф.

Э л и. Любимая, терпи. Мы женщины поэтому великие.

К а м и. Терплю-терплю-терплю – поэтому теперь и счастлива с тобой.

Э л и. То же самое и я. Ну, а как он Макси Первый приказал всем долго жить, а тебе в первую очередь?

К а м и. Ну как – минут пять еще член свой подрочил в распоротой веночке, ну, как я уже рассказывала. В общей сложности минут десять дробоченья накрутилось. А потом чего-то Макси дышать как-то стал странно, судорожно, импульсно - на спину откинулся, insultивно дергаться чего-то начал, а потом притихомирился, в какую-то неопределенную точку на потолке уставился, на лице его какая-то улыбка даже просияла, представляешь?

Э л и. Кино. Ну просто класс.

К а м и. Я ему говорю, прости меня Макси. Искренне-искренне так говорю: прости меня Макси.

Э л и. Молодец. Ну а он что?

К а м и. Прощаю - прошептал. Еле слышно прошептал – прощаю.

Э л и. Кино. Ну просто класс. А глаза у него остались открыты?

К а м и. Просто необычайно широко у него были открыты глаза и остались.

Э л и. Кино. Ну просто класс. И он ими глазами своими тебе улыбался?

К а м и. Он мне своими глазами прощающе так, Эличка моя, улыбался. Просто

буквально всеми клеточками своего умирающего тела, всеми фибрами улетающей души он Макси, мне прощающе так улыбался, Эличка. *(Плачет.)*

Слышен шум разбившейся о берег гигантской волны.

Э л и. Ну, ты только не плачь. Ну, почему ты плачешь, Камюшка? Я так тебе завидую.

К а м и. Тебе есть чему завидовать.

Э л и. Но только белой завистью.

К а м и. Это хорошо.

Э л и. А как повел себя Гогочка врач? Ты же пригласила Гогочку помочь трупик распилить, сварить и ликвидировать.

К а м и. Гогочка, сволочь, положил меня на трупик Максика и так меня на трупике Максика перетрахал после Максика, что я чумею просто до сих пор, что все то удовольствие, как Максика кончала и забыла. Так вот Гогочка он анакондно и перетрахал там меня со своим пистолетиком. А как потом пилили Максика, варили, ликвидировали – это просто мелочи.

Э л и. Врач отличный Гогочка - концлагерный. А ты, помнишь – я тебе рассказывала, как мне Совочка-Первый улыбался, перед тем как тоже кончил он совсем дышать?

К а м и. Можешь напомнить. Пожалуйста. Я это люблю вспоминать. Тебе сока с апельсинчика молочного сдавить.

Э л и. Сдави, сдави, как змеюшка, конечно, витаминчика-ягуртика.

К а м и. Пожалуйста. Я так люблю за тобой ухаживать. *(Сдавливает на Эли апельсин.)*

Э л и. Волшебно ты готовишь молочный апельсиновый сочок.

К а м и. Это я умею, змеюшка. Ну, рассказывай про Совочку Первого. *(Сдавливает на себя апельсин.)*

Э л и. Итак, дело было вечером, делать было нечего, но хотелось очень сексуальной близости, как всегда по биоритму.

К а м и. Так Господь нас зарядил на эти все счастливые терзанья эндокриновые плоти для души. *(Ласкают друг друга.)*

Э л и. Вот. Ну и Совочка, он разлегся, как обычно, на кровати. И мы там пару раз с ним сбутербродились. Он мне все на мордашку кончал и размазывал, кончал и размазывал, кончал, сволочь и размазывал, сволочь, фирменный свой спермный бутерброд. *(Ласкают друг друга.)*

К а м и. Гулиганский, сволочь, Гулливер.

Э л и. Да он по-другому вообще никак никогда не мог кончать – только мне на мордашку.

К а м и. Хорошо воспитывали.

Э л и. Да, он был таких сексуально интеллектуальных воспитанных кровей. Сам в двадцать четыре года уже защитился.

К а м и. Молодчиночка скотиночка.

Э л и. Он был с детства очень умненький, хорошенький. А я мечтала стать профессоршей. Плюс, он был такой театральный такой человек богемистый, душечка, ты что – все спектакли в Москве смотрел. Меня прирастил. Ты что. А как мы на Штайна ходили. Несколько раз – на его любимого Гамлета. Ты что. Он там кончал на Гамлете, на Штайне. Ты что. Я от этого Штайна просто совсем обалдевала, в том смысле, что Совочка там у него на Гамлете кончал. Все штаны от Штайна у Совочки были там в сперме потом. Дорогие штаны. Так под водой нельзя стирать. Все в химчистку отдавала. Ты что. А там все время одна и та же приемщица. Я ей четверо разных брюк дорогих от Версачи, после Штайна, в сперме Совочкиной приносила. Она на меня все время такие полтинники прожёгом рентгеновские устанавливала. Я же ей не могла сказать, что мой Совочка Первый после Гамлетовского Штайна, то есть, это после штайновского Гамлета, в свои дорогие Версачи кончает, кончает и кончает. Хотя там, на импотентном штайновском спектакле, от Гамлета кончать абсолютно и не от чего было. Это тебе я могу все рассказать – ты поймешь.

К а м и. Конечно я пойму – потому что, действительно, все понимаю, что твой Совочка-Первый на штайновском Гамлете осточернительно, по-человечески, как мужик мудовецкий, сопливый, неизвестно от чего кончал – неизвестно от каких театральные импотентские музозвонящие мозговые пидарасов.

Э л и. Нет, пидарасов там было достаточно. Вот чего-чего, а пидарасов в этом гамлетовском штайновском спектакле было вполне достаточно. Они пидарасы по всей площадке там прыгали, бегали, на саксофоне, как блин Клинтон музицировали, извивались, как черви на сковородке – кто убил отца по Фрейду все искали, а девушку Офелию, при этом, сами в речке замочили по головку ее девичью простую, непорочную. Слушай, здесь на острове в Тихом океане совершенно можно забыть русский язык.

К а м и. Со мною не забудешь.

Э л и. Я кончаю.

К а м и. Я кончаю следом, по пятам.

Э л и. Вот. Короче говоря, Совочка-Первый был такой кончающий, то ли от Гамлета, то ли от этого сухостойного Штайна, театральные зараза,

чувствительный душечка-подушечка богемный с членом человек, что не посмотреть живьем, как он кончает вместе с членом свою мудацкую непрожитую остальную жизнь на моем диванчике, было просто невозможно. Ты меня понимаешь?

К а м и. Я тебя прекрасно понимаю.

Э л и. Вот – а дальше все, как по нотам. Ну и как всегда, после второго размазанного фирменного бутерброда мне он спермы с его члена мухомора на мое лицо - я его абсолютно добровольно привязала за четыре его оконечности, за четыре угла дивана крепкими этими капроновыми бельевыми кусками веревками. Вот. Вырвала потом из головы волосок и внятно сказала Совочке-Первому, что я его сейчас этим своим одним волоском прикокошу – отомщу за Офелию деточку-девочку – мудозвону-пидарасу Гамлету по роли. И спросила у него внятно - ты мне, мудозвонский Гамлет, разрешаешь, одним волоском тебя прикокошить – отомстить по-женски за Офелию деточку-девушку? Он мне ответил внятно – я, двухствольчато бисексуальный Гамлет-мудозвончик-пидарасик, тебе разрешаю, естественно, отомстить по-женски за Офелию деточку-девушку. По-доброму, по-доброму так мне ответил эстетически шарманно – душечка-подушечка. Ну, ты представляешь - ты же его видела. И улыбнулся. Натрахался сучонок – две палки кинул девочке-деточке на личико, размазал аморально бутербродиком – но весь такой довольный, победительный.

К а м и. А вот такой он мужик интеллигентный пидерастик аморальный он профессорский хорошенький-наученный-отличенький – много там ему развратнику не надо, чтобы быть довольным.

Э л и. Во-во-во-во. И ты знаешь, как я его этим своим одним волоском потом стала его кокошить?

К а м и. Естественно не знаю - расскажи.

Э л и. Волосок – тридцать сантиметров. Как сейчас.

К а м и. Классный волосок – такой магнетический, ласкательный. *(Проводит ее волоском себе по шее.)* Эротический.

Э л и. А я, о чем тебе пою. Я ему тут же кожу над сонником - над сонной артерией прокусила передними зубками. Ну здесь на шее – ты же знаешь – очень место эrogenное, где сонник.

К а м и. Мы туда всегда целуемся.

Э л и. Вот. Там уже не до поцелуев у нас с Совочкой дело зашло. Он мне как стал орать: чего ты кусаешься, чего ты кусаешься, ведьма вампирная; мы договаривались, что ты меня волоском только будешь кокошить, а не зубами, как собака волкодавная. А я ему внятно говорю: я тебя зубками, мой милый и не собираюсь укукошивать – я только зубками натурально почву подготавливаю, кожу скусываю, чтобы волоском тебя потом уже не больно укукошить. - Как это ты почву подготавливаешь, чтобы волоском одним меня потом уже не больно

укокошить, когда ты мне всю шею насквозь прокусила, кобра-заразина-ядина. Я ему говорю абсолютно спокойно и внятно: я тебе шею насквозь, как кобра, не прокусила - я только откусила кожицу над сонником, чтоб дальше можно было веночку сонную разрезать, типа, распилить уже одним и волоском. Вот такие словесные перепалки, представляешь.

К а м и. А что с ними делать с самцами – с ними одни словесные перепалки. И эти палки, палки, палки, палки. И кроме гнетущих этих палок-перепалок там и спермы фаллосной-кобриной-ядовитой больше ничего.

Э л и. Ты что, мы так с ним заперепалились, что я просто зубами ему сонник от отчаяния перегрызла и все. Ну, сколько нервов можно гнетуще заперепаливать-истаскивать. И он сам виноват, что я не смогла сдержать своего слова – волоском одним его садистически творчески кокнуть - интеллигента этого театрала двуствольчато-двуличного, сухостоя пидараса доморощенного.

К а м и. Естественно, сам виноват. Чего он там еще рыпался. На личико твое спускать он сперму прирастался научно-заученно профессорски? Да за такое личико, как у тебя, я ему все сонники, к чертям собачьим, изгрызла бы тут же, не отходя от его сонника. Ему повезло, что меня рядом не было. Я б его член охамелый тут же бы ему отгрызла вместе с его театральными яйцами – зубами своими сгрызла бы и не подавилась. Он бы тысячу раз пожалел от меня умирать!

Э л и. Ну успокойся, Камюшка, успокойся.

К а м и. Не чего себе, успокойся - любимой девушке какой-то профессорский охамелый обсос пидарасский, понимаешь, спускает свою сперму прокаженную на такое твое небесное личико, а я, успокойся, видишь ли. Не могу я сразу от такой бесчеловеческой херни в отношении тебя – своей любимой девочки – успокаиваться, Эличка! Меня не так в школьные годы воспитывали мои родители, знаешь!

Э л и. Ну, успокойся, Камюшка! Хорошо?

К а м и. Куда я денусь – успокоюсь, все-таки, примерно, Эличка. Из-за этих таких сраных мужицких извергов нервничаешь и нервничаешь, нервничаешь и нервничаешь до больничной самой койки, сволочь.

Э л и. Вот так на самом деле все высокие чувства и прояснились с этим Совочкой очкариком-дерьмофродитом. Все наши личные взаимные отношения. А то, по театрам водил, от штайновского импотентного Гамлета в свои штаны от Версачи тыщу раз кончал...

К а м и. А домой приходил - уже и на личико тебе, гаденыш, прирастался размазывать фирменно сперму. Натуральный, явный, гнида, бисексуал богемистый педрила – ни нашим и ни вашим.

Э л и. Да абсолютный лицемеристый бисексуал богемистый наглый. А когда настоящая трагедийная судьба посмотрела ему открыто открытыми глазами в его раскрытые, но совершенно не интеллигентные, как выяснилось – а мудацкие,

маньячные и мутные его крохотулечки-глазеночки – тут человечек пидарок весь свой мир - убогую «духовку» - и явил-открыл народу - газом чтобы трупным отравиться всем.

К а м и. А вот так и всегда, и бывает с тщеславными, педрильными-богемными, гнилыми мужичёнками.

Э л и. Мне даже в его глаза и смотреть-то не хотелось после этого. Я ему подушку на ряшку, чтоб еще и кровь не очень там из сонника по всей квартире брызгалась, и уселась туда мягонькой попочкой хорошенькой, которую он, кстати, обоготворял. А то он еще кричать начал, когда окончательно внятно своей дурной-то башкой-то, никому теперь, ни хера не нужной, понял, что его действительно сейчас девушка любимая из-за любви к нему же остолопу кокошит. Что не дал он, мужичёнка-пидарасик, ей любви – девушке любимой-то своей.

К а м и. Начал кричать?

Э л и. Ой! Да как резанный начал кричать. А кругом соседи. Ну, я «Муз-тэвэ» погромче сделала. А так, ты что. Хорошо, что форточки все заранее закрыла. Будто предчувствовала, что будет орать как резанный. Д-а-а-а. Ты что. Напереживалась. Это не то, что твой Макси-Первый перед смертью блаженно улыбался. Поэтому тебе завидую светло. Я искренне светло тебе завидую, Ками. Ты что. Ты же не знаешь, что у Совочки была собачечка боксёр по кличке Чарльз. Совочка его называл любовно Чарльзик. Этот Чарльзик зарабатывал большие деньги для Совочки тем, что на спор Совочки с другими мужиками убивал кошечек. Эти другие мужики приносили Совочке для Чарльзика кошечек на спор, что вот эту кошечку Чарльзик не убьет. А Чарльзик-боксёрчик, как всегда, бил по позвоночнику кошечки своими передними лапками точненько и как всегда ломал у кошечки ее позвоночник. И ни разу Чарльзик для Совочки денежек не проиграл. Потому что у кошечек позвоночник дугой-горочкой и Чарльзик-боксёрчик наловчился с помощью Совочки, что есть силы смертельно бить по самой вершинке позвоночника кошечек!!! *(Плачет.)*

Слышен шум разбившейся о берег гигантской волны.

Невыносимо было мне на все это смотреть, Ками.

К а м и. Забыть, но запомнить навеки. Милая моя настрадавшаяся девочка. Дай я тебя поцелую, Эли. Мы выжившие кошечки.

Э л и. Конечно, Ками! Я тоже, так хочу тебя поцеловать! *(Целуются.)* Мы им столько дали этим нашим зверским мужикам пидарам-изменьщикам, мы им столько дали наших кошечек.

К а м и. Я кончаю, чудо ты мое.

Э л и. И я кончаю, моя ты бесконечная спасительница.

К а м и. Как нам повезло, что мы с тобою встретились, друг друга любовью спасли.

Э л и. Нам страшно повезло в этом лицемерном Голубом Тихом Океане без любви, кишащего самцовской, трахающейся, членистомозговой сволочью.

К а м и. Ну а Гогочка, когда приехал там тебе помочь Совочку спилить, сварить и ликвидировать. Как он вел себя - мразь?

Э л и. Гогочка - мразь, когда приехал мне помочь – у Совочки отрезал член, мне засунул его в ротик, зеркальце одно на пол под личико мое бросил, меня раком, пистолетик под затылок, себе, мразь, сигарету в зубы - на голову себе кавбойское самбреро и так меня отодрал, гнида, после Совочки, что как я Совочку грохала – ну, никакого удовольствия, чтоб вспомнить было что от этого хорошего, щемящего. Как трахается Гогочка отменно – эта отмороженная, мускульная мразь, как он передрючивает всех!!! *(Страстно обнимает Каму.)*

К а м и. Эличка, родная - мы его трахнем до смерти!!! *(Страстно целует Эли.)*

Э л и. До ужасной смерти отдрючим-трахнем мы его злодея!!! *(Страстно целует Каму.)* Зубками точёными своими...

Сцена 8

К а м и. Ты помнишь, нашу первую встречу?

Э л и. Это я помню волшебю.

К а м и. Сказка королевственных принцесс.

Э л и. Твоя мама была на работе, и я пришла к тебе в три часа дня. Еще вчера, в троллейбусе, я попросила тебя пробить мой проездной билетик, ты пробила, спросила, как меня зовут, и я тебе ответила, что меня зовут Эли.

К а м и. Мне так понравилось твое имя. Оно так соответствовало твоей расцветающей внешности.

Э л и. Мне тоже безумно понравилось твое имя. Оно было похоже на мое, и ты была благоухающе цветущей девушкой.

К а м и. Мы обменялись телефонами и договорились завтра встретиться. Я сказала, что можно у меня дома. Моя мама приходит с работы только в семь - так что, если мы встретимся в три часа дня после твоих и моих учёб - то у нас будет четыре часа, чтобы побыть вместе. Ты пришла ко мне с большим букетом алых, солнечных гладиолусов и с огромной преогромной коробкой шоколадных конфет.

Э л и. А ты приготовила роскошную, сладенькую бутылочку французского вина

«Сотерн» и мне в подарочек это вот солнечное кольцо из янтаря на ручку.

К а м и. И ведь мы не сговаривались, что я возьму вино, а ты возьмешь нам шоколадные конфеты.

Э л и. Все происходило, как в волшебном сновидении. Всю ночь накануне ты мне снилась королевой цветочного, сказочного королевства гладиолусов.

К а м и. А ты мне снилась накануне - парящей в небе, вся из янтаря, витражной, яркой, всепрозрачной птицей. Ты сразу разделась, как только вошла. Ты щелкнула на своем плече какой-то застежкой, твое шелковое платье тут же скользнуло на пол, и ты осталась совершенно голенькой, мраморной, небесно обнаженной девочкой.

Э л и. Ты же схватила свое платье за нижние полы, подняла их над головой и содрала свое платье через голову, как совершенно ненужную вещь.

К а м и. Потом мы подошли друг к другу и стали целоваться. *(Целуются.)*

Э л и. Потом мы легли к тебе на волшебный диван и нас нельзя было разорвать до без пятнадцати семь, когда прозвенел твой будильник, и я должна была принять душ, и уйти до прихода твоей матери.

К а м и. На следующий день ты пришла ко мне ровно в девять тридцать утра - через две минуты, после того, как ушла на работу моя мать.

Э л и. И нас невозможно было разъять до без пятнадцати семь вечера, когда твоя мать возвращалась с работы.

К а м и. И так продолжалось полтора месяца. Экзамены мы сдавали по чужим конспектам.

Э л и. Так продолжалось полтора месяца, до того момента, когда твоя мать, неожиданно вдруг, нагрянула в пять часов вечера, открыла дверь своим ключом и увидела нас, когда мы были пипка в пипке, и мы, вот-вот, должны были кончить - и мы не могли остановиться, и мы кончили одновременно на глазах твоей остолбеневшей матери!

К а м и. И моя мама упала в обморок, и, падая, ударилась виском об уголок стульчика, и я вдруг сразу поняла, что у меня нет больше на свете моей мамы.

Э л и. Это было грустно.

К а м и. Такова жизнь. Но у меня осталась ты. А мою мамочку сожгли в печке.

Э л и. Прости.

К а м и. Ты ни в чем не виновата. Никто ни в чем не виноват. Моя мама никогда меня не понимала. Просто каждый человек рождается и просто совершает все свои predetermined человеческие, бесшабашные кульбиты.

Э л и. Любить - это бесшабашный кульбит?

К а м и. Любить – это божественно. Это сверхбожественно – любить. Мне больше ничего не надо.

Э л и. А почему ты это говоришь так грустно?

К а м и. Потому что, когда любишь – ты несчастен.

Э л и.

Сердце застыло, а мысли в огне,
Стянута кожа, глаза безразличны...
Просто, когда тебя рядом здесь нет -
Жизнь исчезает сожжённой страницей.

И какой же выход?

К а м и. Такой же как и вход – продолжать любить. Ведь любовь наступает и наступает любовь.

Скажи ты всем – любовной кровью
Лишь можно жить, дышать и плакать.
И если хочешь звёздной воли -
Тогда любовь не надо прятать.

К а м и. Мне так кушать хочется, а Гого – Годо агрессор-вертолётчик, лекарь европейский-копеечный всё не прилетает! *(Обнимает Эли, целует.)*

Э л и. Я подстрелю этого вертолётчика. Ты мне купишь ружьё, Ками, чтобы я подстрелила, наконец, когда-нибудь, этого вовремя не прилетающего, самцовского, никому не нужного на свете вертолётчика Гого!!! Гого! Гого!!! *(Целует Ками.)* Ты мое Гого. Ты страшно лучше, чем Гого!!!

К а м и. Я тебе куплю ружьё, Эли и ты подстрелишь, нам на радость, этого вовремя не прилетающего к нам на остров, никому не нужного на свете самцовского вампирного вертолётчика Гого! *(Целует Эли.)* Он прилетает тогда, когда нам этого не нужно. И он говорит, что у нас с тобой нет никакого острова в Тихом Океане, Эли!!! Что у нас с тобой нет никаких денег, Эли!!! *(Целует Эли.)* Он хочет отнять у нас с тобой наши деньги, этот сказочный остров и поселить сюда, педофилу себе, десятилетних девочек и мальчиков! *(Целует Эли.)*

Э л и. Он не знает, что наша любовь – это самый непотопляемый сказочный остров на всем белом свете!!! Ведь да?!! *(Целует Ками.)*

К а м и. О, да – моя ты сказочная фея. Ради нашей любви, ради тебя я бросила любимого человека, семью, дочку. Макси все для меня сделал, он меня поднял с земли когда-то в этом мире. Макс... Но я увидела тебя, твою пипку... Волшебная, ароматная, тихоокеанская волна цунами пошла от твоей пипки и нахлынула,

нахлынула и затопила меня. А когда твоя пипка вошла в мою пипку – я поняла – я принадлежу только ей – твоей бесценной пипочке и твоей чистой душе - я принадлежу только вам обоим и одной тебе. Я часть тебя, Эли, и я все сделаю, чтобы навеки остаться твоей частью, Эли!.. Сейчас я боюсь, что если я отлучусь на полчаса от твоей пипки, то кто-то у меня ее отнимет, отобьет. Этот Гого с невероятным членом отобьет. А тогда я умру, я умру без твоей одухотворяющей пипочки, Эличка. Но я с тобой, Эли! Я с тобой, Эли и я не могу писать ничего кроме твоего личика, Эли!!!

Э л и. Я тоже умру без тебя, без твоей одухотворенной пипочки, Камюшка! Я тоже ради тебя уничтожила этого Совочку. Но когда я с тобой, когда я думаю о тебе – никакой Совочка мне не нужен. Гого не нужен!!! Кроме тебя мне никто не нужен, Камюшка! *(Всхлипывает.)* Но если ты хочешь, я могу родить тебе ребеночка. Я куплю сперму у какого-нибудь симпатичного мальчишка, не у Гого и рожу тебе симпатичного ребеночка. Лучше девочку.

К а м и. Я тоже могу купить сперму у симпатичного мальчишка и родить тебе ребеночка, Эличка. Лучше девочку. Мы об этом, может быть, когда-нибудь подумаем. Ты сегодня будешь на ужин кокосовые орехи и бананы?

Э л и. С молочком кокосовым?

К а м и. Как всегда.

Э л и. Если, как всегда, то буду.

К а м и. Больше нам ничего не нужно, кроме нашей любви. Нам не будет страшна злобная, развратная волна цунами, которая сметет с лица земли этот их продажный, сволочный, полностью развратившейся, самцовский, импотентный, миллионно тысяча двуствольчатый островной мирок. У нас есть своя волна цунами самого женского рода нашей любви. И может быть только она одна, жертвуя собой, преградит дорогу волне цунами их фаллосного зла.

Э л и. И наше девичье цунами искренней, святой любви погасит цунами их членососной партии барбосов. И на море вырастут цветы. И тогда настанет тишина всё спасающей Любви!!! Мы верим в это. И мы гордо будем держаться за руки. Пусть все злые, самцовские, развратные, маньячные пуритане и гады на свете, смотрят на нас с черной завистью, но мы гордо будем держаться за руки, и будем показывать всем, что мы по-человечески любим друг друга.

К а м и. Пусть мы самые несчастные влюбленные девушки на свете, Эличка, но мы гордо будем держаться за руки, и пусть все видят, как мы любим друг друга. И мы будем идти и кончать, идти и кончать без извращенцев самцов и будем этим счастливы.

Э л и. Мы наденем на свои чудесные попочки нежно впивающиеся в пипочки трусики и при каждом нашем взлетающем шаге, и при каждом нашем колокольном, звонном шаге... мы будем идти и кончать, идти и кончать, идти по Земле и Небесно кончать до самого горизонта Вселенной, до самого края нашей безмерной Любви!!! И если, когда-нибудь, нам будет суждено упасть – мы, падая,

взлетим, я верю – мы, падая, взлетим. Потому что мы уже сейчас летим, Камюшка, ты видишь – мы сейчас с тобой уже летим, Камюшка!!!

К а м и. Вижу, Эличка, Вижу!!!

Э л и. И все же, ты мне купишь ружье, и я подстрелю, я подстрелю когда-нибудь этого проклятого мужского гада вертолётчика Гого, который заслоняет нам небо, мешает нам по-настоящему летать - которому надо только трахаться, трахаться и трахаться без любви этим своим не падающим членом мухомором-колом-стояком. И пусть Гого - здесь грохнется, разобьется и трахнетя на мелкие осколки на этом проклятом, порнозатраханном острове в Тихом Океане - пусть он здесь грохнется и трахнетя на смерть на этом диком острове «Ле-Ле» в Тихом Океане. Ведь Гого - он двинутый самец этот пидар-гнида вертолётный – он только маньячный самец с членом костылем, с яйцами пропеллерами!!! Они же не летают, не любят – эти самцы. Почему он врет, что он летает и любит этот дятел вертолётчик, почему он обзывает нас ползающими, подвальными кобрами, этот козёл с динозавровскими яйцами вертолётчик врач Гого транссексуал маньячный педофил педрильный?!! Но как же трахается он – как гениально трахается он незабываемо волшебным изумительно – божественный Гого!!! *(Плачет, рыдает, целуется с Камю.)*

К а м и. Он гениально трахается Эличка, но мы на нем закончим. И видит Бог – он мира не хотел Гого. Не плачь, не плачь, солнышко. Все будет хорошо. Я же тебя люблю, моя деточка. *(Плачет, рыдает, целуется с Эли.)*

Э л и. Но я же девушка, мне надо поплакать, Камюшка. Но ты тоже тогда только не плачь, моя лапочка.

К а м и. Но я тоже девушка и мне надо поплакать, Эличка.

Слышен шум подлетающего вертолётца.

Э л и. Он подлетает. Слышишь – подлетает. Мы же так хотели мира?

К а м и. Но мир лежит в войне.

Э л и. Он невозможно хорошо, Камюшка, трахается гад!!!

К а м и. Он возможно хорошо, Эличка, трахался когда-то этот гад. Но мы друг друга любим только по любви.

Э л и. Мы друг друга любим только по любви.

К а м и. И в этот раз его утрахаем и кончим.

Э л и. И в этот раз его утрахаем и кончим.

К а м и. Ты мое цунами.

Э л и. А ты мое цунами.

К а м и. Мне снится Золотой Сон Человечества, Эличка. И в мире только мы одни.

Э л и. Мне тоже снится Золотой Сон Человечества, Камюшка. И в мире только мы одни.

К а м и. Я лечу, Эличка!

Э л и. И я лечу, Камюшка!

К а м и. Пошли?

Э л и. Пошли.

К а м и. Надо оставить открытой эту картину.

Э л и. Так мы делаем всегда, когда выходим.

К а м и. Сегодня твоя очередь оставить эту картину открытой, Эличка.

Э л и. Сегодня моя очередь оставить эту картину открытой, Камюшка. Но я боюсь, Камюшка.

К а м и. Не бойся, Эличка, не бойся – на картине всего лишь только краски.

Э л и. Можно, я буду тебя держать за руку, Камюшка.

К а м и. Я разрешаю тебе держать меня за руку, Эличка.

Э л и Кобры?

К а м и. Две кобрычки, Эли.

Э л и. Они же не жалят друг друга эти кобрычки, Ками?

К а м и. Они влюблены друг в друга, Эли. Они не отбрасывают тени.

Э л и. Это лучшая твоя картина, Камюшка, о дикой, но такой живой природе. Ты здесь достигла просветления, как Будда, ты здесь настоящая Роза Бонэ.

К а м и. Когда мы выйдем - эти кобрычки выползут из картины и будут охранять наше обиталище до нашего прихода. А потом они будут охранять наш сон, нашу любовь всю оставшуюся ночь, и они помогут нам, наконец, с этим Гогочкой, Эличка! *(Обнимает Эли.)*

Э л и. Но, мне кажется, что они уже сейчас выползают из этой картины, Камюшка! Мне страшно! Пойдем быстрее отсюда.

К а м и. Но ведь кобры не жалят друг друга, Эличка. Что с тобой сегодня, деточка? *(Набрасывается на Эли, страстно ее целует.)* Я люблю тебя, моя

ласточка. Ты мое спасение.

Э л и. И я люблю тебя, моя мамочка. Ты мое спасение. Но ведь змея – это фаллос, Камюшка.

К а м и. Блаженный Августин говорил, что когда мы достигаем просветления – нам незачем думать о Добре и Зле. Мы спасены.

Э л и. Мы творим тогда Добро, не думая о нём. Но ведь змея – это мужской фаллос, Камюшка!

К а м и. Но что еще тогда нам нужно, Эличка моя?! Мы самодостаточны!
(Целуется с Эли.)

Э л и.
Пустая бутылка
Платформа
Рельсы
Шум поезда
Снежинок невесомость

К а м и.

Галактики всевидящая черная дыра
Которую не зрим
Замёрзшей совестью
И ветер морозный
Колючий как кактус
С зубами гремучей змеи

Э л и.
Пустая бутылка
Ладонью её сжата не нежно

К а м и.
Двое как волки плюют против ветра
Неспешно

Э л и.
Ветер бьет в её спину

К а м и.
Она же глазами видит пар из их волчьих зубов

Э л и.
Десять шагов между нею
И лешими

К а м и.
Снег под ногами скрипит

Э л и.
И бешено

К а м и.
Отбивает она бутылки дно
О железяку арматуры
Платформы тут к стати торчащую

Э л и.
А они пьяны рычащие
Что хочется блевать на них мычащих
И некуда бежать
Девце классной в своих колготочках атласных
С платформы зимней и ночной
Бежать с платформы с площади телохранительной жилой
В пространстве девка ограничена – хоть вой

К а м и.
О, варвары они
И сблизилась полки
И в горло
В горло
Этим тварям
Ты девка амазонка бьешь
Бутылкой
Ее отбитым краем
На опережении

Э л и.
Ножи блеснули в их руках
Но выпали ножи
Поверженно
Не успев вонзиться
В её грудную клетку

Чтоб впиться в сердце
Жалом грешным

К а м и.

И сердце её хохочет
А вены её как струны
Как скрипка поет все тело
Рожденное заново жизнью
Рожденное заново кровью
Взметеленное вселенной
Замешенное пургой

Э л и.

Уродов так убить прекрасно
Красивой девушке опасной
В колготках черных и атласных
В бою неравном и ужасном
Морозною тёмною ночью злой

К а м и.

Жаль день будет будничным очень

К а м и и Э л и (*вместе*).

И сердце твоё хохочет
А вены твои как струны
Как скрипка поет все тело
Рожденное заново Жизнью
Рожденное заново ночью
Взметеленное Вселенной
Растопленное Пургой
Бессмертное Судьбой
Чужою кровью
Как своей мечтой

К а м и.

А мостовая пылью и шипеньем сковородки
Жарит бомбжеватых и с гитарами певцов.
Ушами с волосами и монетой звонкой
Толпа проходит мимо сквозь их строй,

Э л и.

Вдыхая солидарно с ними лишь
Выхлопной бензиновый гашиш
С машин – бесчисленных чудовищ
С покрывками скребущих очень.

Остановился некто – типа караул
Между двух чумных красавиц -
Глаза как выстрелы, а между пальцами
Сосёт из сигареты смачный никотинный поцелуй.

К а м и.

Певцам кидает и монетку,
И даже дал по сигаретке,
И подарил им зажигалку –
Огня ручного открывалку.

И так сказал им напоследок:
Спасибо вам мои друзья,
Вы окрыляете меня
Своими песнями о ваших горьких бедах.

Э л и. Гого?

К а м и. Смерть всем Гого!!!

Э л и.

Я – кораблик белый, белый
Только – не бумажный.
Я летала в светлом небе -
С птицами на равных.

К а м и.

Я - кораблик моей милой,
Я люблю тебя.
Я с ручьём плыву в долину
Там найдёшь меня.

Э л и.

В той долине океан -
С берегом из гор.
Там мы будем целоваться,
Как волна с песком.

К а м и, Э л и (*вместе*).

И мы будем плыть на флаги
Всех созвездий звезд

Благодарно, без причала -
В счастье Божьих слез!

*Слышен шум приземляющегося вертолета и разбившейся о берег гигантской
волны.*

Москва, 2001 - 2016